

АПРИОРИ ВСЕ МЫ ДОНОРЫ

Студентка московского вуза из Екатеринбурга Алина Саблина была сбита автомобилем на пешеходном переходе, после чего доставлена в состоянии комы в одну из больниц г. Москвы. Следующие пять дней родители дважды в день навещали дочь, общались с врачами и заведующим реанимацией. На шестой день, как оказалось последний день ее жизни, без объяснения причин родителей не допустили до Алины. На следующий день не доктор, а похоронный агент проинформировал родителей Алины о смерти их дочери, одновременно предложив родителям заплатить 120 тыс. руб. за доставку тела из Москвы в Екатеринбург. Только спустя месяц после похорон родители узнали, что похоронили дочь без семи органов.

Антон БУРКОВ,
доктор права (Нембридж),
к. ю. н. (ТюмГУ),
магистр права (Эссекс),
г. Екатеринбург

Предполагаемое согласие

Подписывая у следователя бумаги о признании потерпевшей по уголовному делу в отношении водителя, виновного в ДТП, Елена Саблина (мама Алины) обнаружила в материалах уголовного дела заключение эксперта, из которого следовало, что семь органов Алины были изъяты для трансплантации. Только три изъятых органа (сердце и почки) были зафиксированы в акте изъятия у донора-трупа.

Алина никогда не давала согласия на изъятие органов. Родители Алины не проинформировали о готовящемся изъятии органов, как, впрочем, и о состоявшемся. У них никто не спросил согласия на изъятие органов их дочери. И это несмотря на их постоянное присутствие в больнице и многочисленные обсуждения с докторами состояния Алины в течение шести долгих дней нахождения Алины в реанимации. Более того, родителей не допустили в палату к Алине в последний день ее жизни без объяснения причин. Родители считают, что в тот день Алину готовили к изъятию органов. Департамент здравоохранения Москвы, прокуратура, Следственный комитет не ответили на вопросы о квалификации поведения врачей и судьбе неучтенных изъятых органов.

Практика и сообщения в СМИ показывают, что это не единственный случай, это структурная проблема. И врачи не скрывают этого. В документальном фильме «Трансплантология. Вызов смерти», показанном на канале «Россия 1» осенью 2014 года, анестезиолог-реаниматолог Центра органного и тканевого донорства г. Санкт-Петербурга И. Логинов говорит следующее о сложившейся практике изъятия органов: «Мы активно спрашивать согласия родственников не обязаны». Как видно из случая с Алиной, отсутствие активности врачи понимают как то, что они даже не обязаны спросить согласия на изъятие органов у дочери у находящихся рядом с реанимацией родителей.

Да, в России действует Федеральный закон от 22.12.1992 № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека». Но это бедный трехстраничный текст, полный пробелов, которые создают условия для тайного изъятия органов. Такие нормы, как презумпция согласия, получение разрешения судебно-медицинского эксперта на изъятие и уведомление прокурора о предстоящем изъятии, не соблюдаются.

Статья 8 Закона № 4180-I закрепляет презумпцию согласия. Сам по себе данный принцип вполне оправданный механизм получения необходимых донорских органов. Но для этого должны быть минимум два условия:

- в государстве должны работать инструменты получения предварительного согласия задолго до возникновения необходимости изъятия органов. На сегодняшний день в России полностью отсутствует институт получения предварительного согласия (отметка в паспорте и водительском удостоверении, социальная реклама донорства);
- презюмируемое согласие легитимно, если выйти на связь с родственниками не удалось, но предприняты все разумные попытки выйти на контакт с ними и выяснить их решение о возможности изъятия. Невозможно предполагать согласие, если у родителей донора не спросили согласия, когда такая возможность была.

Статья 8 Закона № 4180-I закрепляет пассивную учреждение здравоохранения: изъятие

органов у трупа не допускается, если учреждение здравоохранения на момент изъятия поставлено в известность о несогласии на изъятие органов. Но какой родственник поставит в известность учреждение здравоохранения, если он не знает о готовящемся изъятии органов? Таким образом, презюмируемое согласие превращается в искусственно обеспеченное. Проблема не в презумпции согласия как таковой, а в отсутствии обязанности врачей активно спрашивать согласия у рядом находящихся родственников потенциального донора. Вместо этого активность проявляют похоронные агенты, обращаясь к родственникам с другой новостью и за другим согласием.

В течение более двух десятилетий существования презумпции согласия и изъятия органов за спинами родственников ни один врач не был привлечен к уголовной ответственности за тайное изъятие органов. В 2003 году Россия представила Совету Европы доклад, из которого следовало, что правоохранительные органы не завершили ни одного уголовного расследования случаев изъятия органов без согласия родственников в связи с противоречием между ст. 8 Закона № 4180-I и ст. 5 Федерального закона от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (последний устанавливает, что каждый имеет право на волеизъявление о согласии или несогласии на изъятие органов). Отсутствие такого рода дел в Европейском суде по правам человека объясняется тем, что лишь единицы узнают об изъятии органов у их любимых людей. Поэтому те родственники, кто потерял своих близких в разного рода происшествиях, должны знать, что, скорее всего, некоторые органы их родственников были тайно изъят.

Что гуманно?

Статья 8 Закона № 4180-I интерпретировал КС РФ, он оценил норму на соответствие не Конституции РФ, а канонам гуманности: «Презумпция согласия базируется, с одной стороны, на признании негуманным задавать родственникам практически одновременно с сообщением о смерти близкого человека либо непосредственно перед операцией или иными мероприятиями лечебного характера вопрос об изъятии его органов (тканей)...» Получается, что гуманно тайно изъять органы, даже если родители потенциального донора находятся у двери реанимации. Именно такой интерпретацией пользуются в больницах.

Кстати сказать, «негуманное», с точки зрения КС РФ, отношение к родственникам – нормальная практика в Испании, лидирующей европейской стране в области трансплантологии.

Получилось с точностью до наоборот: умалчивание информации, прикрытое отсутствием обязанности активно искать согласия, приводит к жестокому и бесчеловечному обращению с родственниками донора. В соответствии со ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод Россия взяла на себя обязательства не подвергать никого бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Именно такое обращение испытали на себе родители Алины. В соответствии со ст. 8 Конвенции государство гарантирует право на частную и семейную жизнь: только человек самостоятельно или семья могут принимать решение о донорстве органов. Семья Алины была лишена такого права. В соответствии со ст. 10 Конвенции государство гарантирует, что мы все имеем право знать, что делают с нами или нашими родственниками, чтобы у нас была свобода выражения мнения. Судьи КС РФ обязаны знать нормы Конвенции, являющейся в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ составной

Искусственно презюмируемое согласие влечет за собой отсутствие общественного контроля, контроля родственников за изъятием органов, а это на руку организованному преступному группам

частью российской правовой системы.

Завоевать доверие общества

Искусственно презюмируемое согласие влечет за собой отсутствие общественного контроля, контроля родственников за изъятием органов, а это приводит к тому, что изъятие органов может не фиксироваться. А это на руку организованному преступному группам, которые продают неучтенные органы на черном рынке. Таким образом, искусственно обеспеченное презюмируемое согласие становится главным условием трафика неучтенных органов.

Изначально институт презюмируемого согласия был создан для содействия трансплантологии. Но искусственно презюмируемое согласие негативно отражается на отношении общества к трансплантологии. Зачастую врачи руководствуются принципом «если мы спросим согласия, мы потеряем потенциального донора». Но если они хотят, чтобы общество им доверяло, они должны доверять обществу принимать решения. Если же врачи действуют за спиной представителей общества, как было сделано с родителями Алины, общество никогда не будет доверять врачам. Искусственно презюмируемое согласие на изъятие органов должно превратиться в информированное согласие, в противном случае трансплантология в России будет поставлена под угрозу.

Статистика показывает, что, если трансплантология прозрачна, больше людей желают стать донорами. Директор Федерального научного центра трансплантологии и искусственных органов им. В.И. Шумакова С. Готье сообщил, что в 2010 году в России 200 раз пересадили печень, а в США проведено почти 5 тыс. таких операций. В России сделано 100 операций по трансплантации сердца, в США – 2,5 тыс. Если бы трансплантологи получили больше органов, было бы больше спасенных жизней. Кстати, в США отступили от презумпции согласия еще в 1960-х, и, как показывает статистика, меньше органов для пересадки не стало.

Что делать?

По причине отсутствия возможности добиться защиты в национальных правоохранительных органах родители Алины приняли решение обратиться в Европейский суд по правам человека, не дожидаясь, пока районный суд в соответствии с толкованием КС РФ разрешит в пользу

ответчика-больницы искомое заявление о компенсации морального вреда.

Остается надеяться, что КС РФ пересмотрит свою позицию о гуманности закона о трансплантации до того, как в Страсбурге будут публично осуждать «гуманность» действий российских врачей и обсуждать проблемы трансплантологии в России.

Родители Алины живут сегодня одним – добиться изменения закона о трансплантации, чтобы никто больше не испытывал таких моральных страданий, чтобы исключить возможные преступные действия в аналогичных ситуациях.

В последнее время было предложено несколько законопроектов о трансплантации. Все они упускают самую важную часть – юридический статус родственников донора, которые должны иметь право принимать решение о достойном отношении к телу их родственника после смерти. Сегодня они бесправны.

Презюмируемое согласие может остаться в законе. Однако оно должно из искусственного превратиться в информированное. Чтобы избежать ситуации, которую КС РФ назвал «негуманной», в закон должен быть включен комплекс мер по информированию граждан и получению их согласия на донорство органа задолго до того, как врачи используют согласие для спасения жизни другого. Это комплекс действий, выполняемых государственными учреждениями, начиная от Министерства здравоохранения (базы данных доноров; постоянная информационная кампания, как это делается в настоящее время в отношении донорства крови) до Министерства внутренних дел (регистрация согласия в паспорте, водительском удостоверении), больниц (при-

сутствие в больницах специально обученных врачей, ответственными за общение с родственниками потенциальных доноров по вопросу согласия на изъятие органов).

К слову сказать, такие меры существуют в большом количестве в других государствах, и они могут быть заимствованы и адаптированы к российской действительности.

В законе должна появиться обязанность врачей активно спрашивать согласие и средства обеспечения выполнения этой обязанности. Презюмируемое согласие более не может оставаться в законе искусственным, не обеспеченным системой информирования граждан о возможности принять решение о донорстве органов и обязанностью врачей сообщать о планируемом изъятии. Согласие только в исключительных случаях может быть презюмируемым: при невозможности найти родственников до смерти потенциального донора. В законе должно появиться право родственников донора знать о реципиенте с согласия последнего. Сегодня это невозможно в принципе.

Пока же все граждане России и ее гости должны знать, что все мы ходим под искусственно презюмируемым согласием. Нашим родственникам никто не сообщит о готовящемся изъятии, даже если они будут находиться рядом с реанимацией в течение шести суток. А сами они не догадываются, что готовится изъятие, и не сообщат свое мнение. Получается, что все мы согласны на то, о чем не знаем и о чем нам никто не сообщит. Гарантирует ли такое искусственно презюмируемое согласие борьбу врачей за жизнь умирающего до последнего? Или это гарантирует регулярные поставки неучтенных органов?

ВЕЧЕРНИЕ КУРСЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

КОМПЛЕКСНОЕ ДОЛГОСРОЧНОЕ ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ ЮРИСТОВ
Москва, 16 февраля – 30 июня 2015 г. (200 ак.часов, 4,5 месяца)

Лекции читают:

Витрянский В.В. - заслуженный юрист РФ, д.ю.н., заместитель Председателя ВАС РФ (в отставке)
Сарбаш С.В. - д.ю.н., Председатель судебного состава ВАС РФ (до августа 2014 г.)
Маковская А.А. - к.ю.н., начальник отдела законодательства о юридических лицах
Исследовательского центра частного права при Президенте РФ

ДОГОВОРНОЕ ПРАВО: актуальные вопросы и судебная практика

Москва, 24 февраля – 15 мая 2015 г. (112 ак.часов, 2,5 месяца)

Лекции читают:

Витрянский В.В. - заслуженный юрист РФ, д.ю.н., заместитель Председателя ВАС РФ (в отставке)
Сарбаш С.В. - д.ю.н., Председатель судебного состава ВАС РФ
Маковская А.А. - к.ю.н., начальник отдела законодательства о юридических лицах
Исследовательского центра частного права

Лекции читают ведущие
российские юристы и правоведаы

По окончании выдается Удостоверение о повышении квалификации

МОЛОГОС
юридический институт

тел.: +7 (495) 772 91 97
+7 (495) 771 59 27
e-mail: pkeim-logos.ru
http://www.m-logos.ru